

“ТЕХНОЛОГИЯ” ПЕРЕВОДА И ЕЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ (Н.А. Фененко. Язык реалий и реалии языка. - Воронеж, 2001. – 139 с.)

© 2002 Ю.А. Сорокин

Институт языкознания РАН

Я уверен, что книгу Наталии Александровны Фененко не обойдут своим вниманием все те, кто интересуется проблемами переводоведения. Поручкой этому интересный фактологический материал, представленный в книге, и не менее интересные теоретические соображения. В стилистическом отношении книга также добротна, хотя и встречаются некоторые досадные упущения. Ее легко и приятно читать. Библиографический список вполне достаточен и четко соотносим с теми проблемами, которые обсуждает Наталия Александровна; правда, я добавил бы к нему две книги – Л. Сальмон и Т.А. Фесенко – и использовал бы материал, рассматриваемый в них, для усиления своих позиций.

Что же предлагает Н.А. Фененко в своей книге? Во-первых, разграничение реальных артефактов и натурфактов, составляющих, по ее мнению, “...среду обитания конкретного социума” (с. 17). Культура является идеальным эквивалентом этой среды, характеризующейся амбивалентностью: она и объективна, и субъективна. Язык/речь “обслуживают” эту среду, выступая в качестве средств номинации. Такое разграничение позволяет Н.А. Фененко утверждать, что термин *реалия*, используемый в переводоведении, нельзя рассматривать как надежный, ибо “...им обозначается и явление внеязыковой действительности (предмет), и его культурный эквивалент (концепт), и средство номинации этого концепта в языке (лексема или фразеосочетание)” (с. 17). РЕАЛИЯ – это родовая термин, видовыми реализациями которого является R-реалия (*réalité*), C-реалии (*culturel*) и Z-реалии (*l'exhème*).

ПРИМЕЧАНИЕ: Соглашаясь с этим, я хотел бы все-таки указать на следующее: целесообразнее считать, что идеальный эквивалент среды является совокупностью ментефактов и артефактов (последние суть инобытие первых), существующих, в свою очередь, в виде СЕМЬОРЕСЕМ (от *ges* – вещь), в том числе ЛОГОРЕСЕМ / ВЕРБОРЕСЕМ и ЭЙДОРЕСЕМ, специфически аранжированных в каждой лингвокультуральной общности.

Во-вторых, Наталия Александровна Фененко предлагает переводчику добиваться в своей работе эквивалентности впечатления, или, как она говорит, импрессивной эквивалентности

(перекличка с итоговым впечатлением Иржи Левого?), создаваемого “...с помощью средств подсознательного воздействия, адекватного по своей функции (“впечатлению”) средствам суггестивного воздействия ИТ” (с. 79-80). Иными словами, она считает, что и французским, и русским ЛОГОРЕСЕМАМ (ВЕРБОРЕСЕМАМ) и ЭЙДОРЕСЕМАМ присуща неосознаваемая – носителями языка – суггестивность, являющаяся существенным ингредиентом того феномена, который квалифицируют как “культурную исключительность” (см. с. 69).

ПРИМЕЧАНИЕ: По-видимому, “культурную исключительность” следовало бы заменить на культуральное своеобразие – одноосновное или четырехосновное (по К. Леонтьеву), противопоставляемое вторичному упрощающему смешению (в понимании того же К. Леонтьева). Имплициты оригинальных коммуникаторов (от текстов сказок до журнальных статей), то, что вслед за К. Леонтьевым можно назвать не только пластическими, но и непластическими символами идеалов, и является теми составляющими, которые указывают на этническую специфику смыслоформирования и смыслоформулирования, присущую французам и русским. Именно такого рода пластические и непластические символы обсуждаются, например, в книге Н. Яппа и М. Серетта “Эти странные французы” (Москва, 2001), подтверждая точку зрения Н.А. Фененко о важности учета бессознательного / подсознательного слоя, характерного для семиоресем.

В-третьих, в высшей степени интересно предлагаемое Н.А. Фененко истолкование понятия *смысла*: “...смысл любого высказывания (включая текст) можно определить как присутствующую ему недублируемую контекстом часть информации. При этом контекст может пониматься широко: как текст, как культурный и / или социальный контекст, как последовательность событий, предшествовавшая тексту” (с. 103). Говоря иначе, вербальные цепочки являются лишь *фасадом*, дающим неполное представление об эйдотическом интерьере *сказанного* (о характере и фокусировке пресупозиционных составляющих) в силу уникальных задач, “решаемых” авторами художественных текстов (см. в связи с этим книгу А.А. Богатырева). Распределение составляющих как распределение

“видимого” и “невидимого” (но явного для носителей того или иного языка) и предопределяет значимость какого-либо высказывания/текста: чем меньше он “невидим” – тем ценнее. Задача переводчика – выявить и передать эту ценность, являющуюся базовым компонентом ауры художественности.

В-четвертых, не менее аттактивен анализ специфики цветовой картины мира в русскоязычной и франкоязычной среде (этот анализ мог бы быть усилен за счет книги В.Г. Кульпиной “Лингвистика цвета. Термины цвета в польском и русском языках”. – М., 2001 г., в которой также обсуждаются проблемы создания квазиподобий в сфере лингвокологистики). По мнению Н.А. Фененко, реконструкция русской цветовой картины (рассматривается франкоязычная версия “Темных аллей” И.А. Бунина) осуществляется за счет сохранения синестезии, ее “разложения” или полного разрушения, или, иными словами, за счет тех или иных компенсаций (и заполнения лакун). Но эти компенсации все-таки дефектны, что, в свою очередь, подрывает уверенность в существовании имперссивной эквивалентности: “...сведение многомерных синестетических впечатлений к одномерным, чаще всего цветовым, приводит к утрате образности бунинского стиля, к меньшей, по сравнению с русским, экспрессивности французского текста” (с. 32), хотя “...французский язык различает цветовые оттенки более подробно, чем русский, а зрительные впечатления являются для французского языка первоплановыми, в то время как русский язык отмечает слуховые ощущения” (с. 25).

В-пятых, интересно также обсуждение тех приемов, которые Е.А. Проценко (см.: Проценко Е.А. Межъязыковое перекодирование в творчестве Ф.М. Достоевского. АКД, Воронеж, 2002 г.) характеризует как транссистемные (лучше бы: интерсистемные) преобразования и которые Н.А. Фененко квалифицирует как указания на ценностные ориентации носителя ИНОЛЕКСЕМ/ИНОВАБЫСКАЗЫВАНИЙ – в данном случае С.Т. Верховенского, – свидетельствующую, на мой взгляд, о том, что адстратное ментальное состояние может переходить в субстратное со всеми вытекающими отсюда последствиями для целостности личности.

ПРИМЕЧАНИЕ: С.Т. Верховенский – мезумочен и завистлив, а поэтому и бесноват. Он бесноват еще и потому, что осознает себя суммой претензий: желая быть адстратной личностью, он остается все-таки личностью субстратной. Этот персонаж – не что иное, как вербальная маска, свидетельствующая о неудачных усилиях сменить этническую идентификацию, тем самым, лингвокультуральные/ментальные предпочтения, составляющие ядро семиотической личности (см. в связи с этим: К.В. Балева. Язык как экспли-

кация культурного опыта писателя-билингва (А. Макина) АКД, Ярославль, 2002 г.)

В-шестых, следует указать на достаточно редкий в переводоведении ход, использованный Н.А. Фененко: она анализирует не только русские версии французских исходных текстов, но и французские версии русских исходных текстов (Бунин, Булгаков, Шукшин), выявляя в них, в частности, способы взаимных антропонимических и топонимических замен (см. в связи с этим также: Л. Сальмон “Личное имя в русском языке. Семиотика, прагматика перевода”. Москва, 2002 г.).

И в заключение о двух фрагментах в предисловии (кстати сказать, очень лаконичным и информативным), к этой книге, написанном А.А. Кретовым. Он считает, что “перевод – это всегда источник языкового адстрата, сколь бы удаленной географически ни была культура, породившая оригинальный текст” (с. 7). Не споря с этим, я хотел бы добавить к этому не менее, на мой взгляд, существенное: перевод – это всегда и прежде всего переструктуризация своего и чужого субстрата, нечто совместимое в несовместимом (и наоборот), позволяющее расширять и видоизменять две взаимодействующие семиосферы (два типа дискурсного поведения). Он полагает также, что “...к экспрессивной эквивалентности относятся денотативная коннотативная, жанровая, прагматическая эквивалентность, тогда как на долю импрессивной эквивалентности остается разве что довольно неопределенная формально-эстетическая эквивалентность” (с. 10). С вышеприведенным утверждением вряд ли можно полностью согласиться, ибо а) экспрессивная эквивалентность – и, в частности, коннотативная, прагматическая и особенно жанровая – отнюдь не столь предствима, как этого ни хотелось бы научному редактору (материалы, обсуждаемые в книге Н.А. Фененко, свидетельствуют о существовании квазиэквивалентности, но не эквивалентности. И, видимо, неслучайно она акцентирует внимание на приемах наложения своей картины мира на чужую, рассматривая их как приемы когнитивно-когнитивной (ментальной релаксации); б) формально-эстетическая эквивалентность не определена в той же мере, сколь неопределены метаболы: “самое удобное и правильное – рассматривать слово как образ, то есть словесное представление. Этим путем устраняется вопрос о форме и содержании. <...> Любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку” (О. Мандельштам. “Слово и культура”. – М., 1987. – с. 66, 119). И особенно, если эти метаболы – неавтохтонные/квазиэквивалентные, рассчитанные на трансляцию той сверхпонятности, которая является подлинной сутью художественных текстов.